

ГОРЫ СТРЕЛЯЛИ В УПОР

«Мы делали все возможное, чтобы уберечь своих ребят»: генерал-майор Люциан Суриント — об афганских страницах своей биографии

Сегодня в странах постсоветского пространства отмечат 30-летие вывода войск из Афганистана — день, который стал настоящим праздником, ведь он означал, что молодые ребята больше не будут гибнуть на чужбине. Два года и три месяца в стране солнца и гор прослужил **Люциан Станиславович Суриント**, генерал-майор в отставке, первый командующий силами специальных операций Вооруженных Сил. Он командовал ротой 357-го гвардейского парашютно-десантного полка 103-й гвардейской воздушно-десантной дивизии, солдаты которой вошли в Афганистан первыми. Воспоминаниями о службе Люциан Станиславович поделился с читателями «Р».

Подняты по тревоге

...Вечером 11 декабря 1979 года домой к старшему лейтенанту прибежал посыльный и сообщил, что в полку объявлена боевая тревога. Весть эта не обрадовала, ведь молодой офицер находился в отпуске и дорожил каждой минутой, проведенной с женой и годовалой дочкой.

— Учебный год в армии начинается 1 декабря, так что объявление тревоги — это нормально, — заверяет Люциан Станиславович. — Оповещение, сбор, проверка боевой готовности... Позже поступает команда: снять средства десантирования с боевых машин десанта (БМД). А это пять основных парашютов, каждый площадью 760 метров квадратных, вытяжной парашют. Все закреплено на металлической платформе, снимать краном надо. Первая мысль, которая пришла в голову, — это ж сколько потом придется его обратно устанавливать?!

А личный состав все не распускали. Наоборот, велели дополнительно получить к боеприпасам, которые хранятся в боевых машинах, ручные гранаты.

— Дали гранат по два ящика на человека, это при том, что обычно за каждую отчитываешься надо! Вот тут я заподозрил неладное и отправил к жене посыльного с просьбой передать мне «тревожный портфель». Вот то, что взял тогда, и было со мной до октября 1980 года, — вздыхает генерал-майор Суриント.

Долгая дорога в неизвестность

В сборах и хлопотах с момента объявления тревоги прошли почти сутки, когда батальону скомандовали грузиться в поезд. Возле Витебска подсели солдаты из учебного центра «Лосвидо» — новобранцы, еще даже не приведенные к присяге.

— Ехали долго. Выгрузились в каком-то незнакомом месте — а там холод, пурга! Смотрю — железнодорожник ходит. Спрашиваю, где мы, а тот смеется: «Ты что, фильм не смотрел «Вызываем огонь на себя»? Оказалось, станция Сеща Брянской области, где находился крупный военный аэродром.

Людей расселили в нежилых, неотапливаемых помещениях. Рота Люциана Суринта расположилась в клубе. Солдаты заняли зрительный зал, офицеры — сцену. Целыми днями бойцы занимались боевой подготовкой — уже стало понятно, что придется выполнять серьезную задачу. Вот только никто не мог предположить где. Тихо, без помпы и торжеств, привели к присяге новобранцев.

— Мы уже собирались встречать там Новый год. Но вечером 24 декабря велели приготовиться к дальнейшему передвижению на самолетах.

Аэродромом «подскока», то есть места дозаправки, был Орск Оренбургской области, следующей воздушной гаванью для приема белорусских десантников стала Фергана — ни травы, ни деревьев, двенадцать градусов мороза.

— Вместе с полевыми кухнями привезли газеты. «Красная звезда» яростно разоблачала миф о подготовке к военному вторжению в Афганистан, распространяемый западной пропагандой, — так Люциан Суриント стал догадываться, куда направляется их батальон. — Летчик на карте показал пункт назначения — Баграм.

Борьба за выживание

25 декабря 1979 года наши десантники прибыли в Афганистан по воздуху, одновременно с ними через границу вошли танкисты. С этого дня и пошел отсчет пребывания советского контингента в Афганистане.

Первое время никто в боевых действиях не участвовал – их просто не было. Наш полк стоял в военной крепости Бала-Хиссар. Мы должны были охранять различные объекты: здание Генштаба, резиденцию нашего замминистра обороны, узел связи главного военного советника. Потом услышали, что другие полки уже ведут бой, несут потери, и сразу приступили к интенсивной военной подготовке. С четырех утра учились передвигаться, ориентироваться в горах, организовывать связь, ведь там серьезные перепады высот. Все это потом пригодилось.

– 1980 год мы интересно встречали, – улыбается воспоминаниям генерал-майор. – Офицерам выдавали сигареты, две пачки на три дня. А вот спиртного не было совсем. Тогда мы решили и курить бросить. В новогоднюю ночь порвали и выбросили свои сигареты. Кто как, не знаю, а я с тех пор не курю.

В мае советские воины уже перестали надеяться на возвращение. Осенью 1980 года Люциан Суринт стал заместителем командира батальона. К тому времени их воинское подразделение стало в долине реки Кунар, на границе с Пакистаном, чтобы воспрепятствовать проникновению оттуда моджахедов.

– Мы должны были активными действиями обеспечить советскую власть, – цитирует поставленную задачу Люциан Станиславович. – Что это значит? Выявлять, где «духи» дислоцируются, и уничтожать их. Дело оказалось весьма непростым. Река Алишанг распадается там на два притока – как штаны. Мы стояли на высоте. Незамеченными выйти не могли – для оповещения о наших передвижениях создали целую систему сигнальных костров, дымов, зеркал, постоянно минировали территорию вокруг. Бывало, 20 километров полдня шли, снимая мины. Самостоятельно отправиться не имели права: с нами должны были находиться либо афганские военные, либо представители царандоя – местной полиции. И тем не менее изыскивали способы получать данные о возможном нахождении банд из нескольких источников.

Штурм горного хребта

Озорно, с юмором повествуя о Преодолении бытовых трудностей, Люциан Станиславович неохотно говорит о боевых действиях и потерях:

– Ну как же без потерь? Были... Хотя мы делали все возможное, чтобы уберечь своих ребят. Ничего эти «духи» не стоят по сравнению с жизнью нашего солдата! Открыто атаковать или нападать они не могли – у нас было и численное, и огневое превосходство. Все делалось «кусами»: диверсионными методами, засадами, налетами, минированием, обстрелами минометами и реактивными снарядами.

Но бывали и серьезные переделки, одна из которых стоила жизни девяти воинам, в том числе троим офицерам. Две роты штурмовали горный хребет, на котором укрывались «духи». На более высокую часть хребта поднималась рота, с которой следовал Люциан Суринт. Их поддерживала огнем гаубичная батарея. Укрываясь от огня, противник спустился с хребта и разместился в кустах на его обратной стороне. Бойцы Суринта, достигнув нижнего края ровного участка, короткими перебежками двинулись к гребню. И тут неожиданно замолкла гаубичная батарея: нельзя приближать разрывы ближе 200 метров к боевым порядкам своих войск. Приободрившиеся душманы поднялись на гребень хребта и принялись вести огонь по нашим.

– Положение было критическим: остановиться и залечь – расстреляют, повернуть обратно – добьют вдогонку. Оставалось одно: пока не все «духи» поднялись на хребет, без промедления захватить его броском. По команде за броском гранат все решительно поднялись и с криком «ура!» бросились вперед. И духи дрогнули, не выдержав напора, замешкавшись на мгновение. В этой очень скоротечной, но решительной схватке в ближнем бою раненых практически не было, только погибшие.

В чужом монастыре

На вопрос, нужно ли было вообще вводить советские войска в Афганистан, Люциан Станиславович отвечает после некоторого раздумья: – Я не всегда так считал... Но теперь думаю, что, конечно, надо. Это было необходимо для безопасности Советского Союза. Иначе смута из

Афганистана перекинулась бы на его среднеазиатские республики, ведь у них была одна религия. А так террористическую угрозу удалось существенно отсрочить. Другое дело – как нужно было вводить войска. Мы же ничего не знали – ни положений религии, ни обычаяев. Многие наши поступки, наверное, казались дикостью, противоречащей законам шариата, что, конечно же, сильно нам навредило. А ведь сначала местные приняли нас очень дружелюбно – приходили здороваться, угощали лепешками, жвачками, дарили монетки, на стволы БМД гирлянды из цветов вешали... Но буквально через два месяца отношение кардинально изменилось. По сути, мы влезли в чужой монастырь, с чужой культурой, иной религией, действуя так, как привыкли. Если бы нам заранее рассказали, хоть в общих чертах, что у них принято, что нет, что можно, что нельзя... Кто знал, что наибольший авторитет для них – мулла? Первым делом следовало познакомиться и подружиться с ним, а мы понятия не имели, кто это и как его отличить. Может, и боевые действия не начались бы так скоро, если бы имели элементарные понятия об этой стране.

Из Афганистана Люциан Суринт вернулся в марте 1982 года, будучи уже кавалером орденов Красной Звезды и медали «За боевые заслуги». После окончания Военной академии имени М. В. Фрунзе служил в азербайджанском Кировабаде, литовском Гайжунае – в этих странах в начале 1990-х было весьма неспокойно. Позже его перевели в Брест, а затем – в Витебск. Служба везде была связана с воздушно-десантными войсками. Вскоре после окончания Военной академии Генерального штаба Вооруженных сил Российской Федерации Люциан Станиславович стал командиром корпуса, начальником главного штаба сухопутных войск Вооруженных Сил Беларуси. Но он все равно оставался верен десантному братству, поэтому, когда в стране организовали Силы специальных операций, изъявил желание возглавить, хотя должность командующего ими была ниже занимаемой.

Оксана НЕВМЕРЖИЦКАЯ